

Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния

В России, да и на всей территории бывшего Советского Союза, идеология сменилась всепроникающим прагматизмом. Нет никакого намека и на политический контроль со стороны Москвы | **ДМИТРИЙ ТРЕНИН**

Современная Россия это не просто новая страна, возникшая в 1991 году после распада Советского Союза. Прежде всего, это государство, которое решило отказаться от имперского статуса и с тех пор ищет для себя новую роль в мире. Определения «царская», «имперская» и «советская» Россия относятся не к трем отдельным государственным образованиям, а к трем разным эпохам существования одного и того же исторического российского государства. Современная Россия не восходит напрямую и к Киевской Руси, от которой пошла не только Россия, но также Украина и Белоруссия. После падения Киевской Руси каждая из этих трех территорий развивалась под влиянием разных исторических обстоятельств, особенно в период с XIV по XVI век, что в итоге привело к формированию трех отдельных обществ.

Основы современной России были заложены во времена царствования Ивана III (1462–1505), который покончил с монгольским игом и создал централизованное

этническое русское государство, его сына Василия III (1505–1533), завершившего «собрание русских земель», присоединив к ним Псковское, Смоленское и Рязанское княжества, и его внука Ивана IV (1533–1584). Последний, завоевав Казань и Астрахань, превратил этнически однородное русское государство, в котором преобладало православное христианство, в многоэтничную империю с существенным, хотя и все более русифицирующимся, мусульманским компонентом. После смерти Ивана IV русские за 70 лет сумели колонизовать Сибирь и дойти до побережья Тихого океана. Так что границы нынешней РФ не являются искусственными, как часто утверждают российские националисты имперского толка, а удивительно точно соответствуют границам доимперской России середины XVII столетия.

В XIX–XX веках Россия вела ожесточенную борьбу с другими крупными державами за контроль над территориями, расположенными между ней и ее соперниками. В ходе этой борьбы Финляндия, Прибалтика, Польша, Балканы, Кавказ, Средняя Азия, Монголия и Маньчжурия были поделены, аннексированы, превращены в базы для революционных движений или в санитарные кордоны. По этой причине сама концепция

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД СТАТЬИ ДМИТРИЯ ТРЕНИНА (DMITRI TRENIN) "RUSSIA'S SPHERES OF INTEREST, NOT INFLUENCE", ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ *THE WASHINGTON QUARTERLY* (VOL. 32, NO 4, OCT. 2009, P. 3–22) WWW.TWQ.COM © 2009, CENTER FOR STRATEGIC AND INTERNATIONAL STUDIES (CSIS). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ TAYLOR&FRANCIS LTD (WWW.INFORMAWORLD.COM) ОТ ИМЕНИ CENTER FOR STRATEGIC AND INTERNATIONAL STUDIES (CSIS)

сфер влияния оказалась исторически весьма полезной для России. Сферы влияния отделяли Россию от соперничающих с ней других имперских государств и играли роль одновременно оборонительных и наступательных плацдармов в бесконечном мировом соревновании за господство, влияние и безопасность.

«Советская империя» (то есть СССР), при которой глобальное влияние России достигло своего максимума, была многосоставной и многослойной. На ее самой дальней периферии располагались так называемые «государства социалистической ориентации», то есть марксистско-ленинские режимы в Азии и Африке, по большей части политически нестабильные. Далее следовала «внешняя империя», которая включала в себя страны Восточной Европы и была жестко скреплена рамками Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи — экономического сообщества, членами которого были также Куба, Монголия и Вьетнам. И наконец, «внутренняя империя» — собственно Советский Союз, объединявший 15 союзных республик во главе с РСФСР. Конфигурация и состав первой группы были текучими, подверженными приливам и отливам. Поэтому подлинной сферой влияния Советского Союза была вторая группа стран. Политическое верховенство Москвы опиралось на ее идеологическое господство и обеспечивалось военным присутствием, а также блоковой дисциплиной, которая периодически подкреплялась использованием силы. В экономическом плане это была закрытая система, основанная на централизованном распределении ресурсов.

Геополитическое отступление

Расставание России с империей прошло на удивление быстро и гладко. Главной причиной тому стал раскол в российской элите. Столкнувшись со стремительным нарастани-

ем внутренних экономических и социальных трудностей, более активная часть государственной элиты решила сбросить с себя имперское бремя и тем самым резко сократить расходы. К концу 1980-х «внешняя империя» стала для СССР непосильной ношей; для Москвы в ней больше не было пользы, поскольку в то время Советский Союз сворачивал холодную войну одновременно и с Западом, и с Китаем. Сходным образом распад самого Советского Союза предопределили не национально-освободительные движения в прибалтийских республиках, Грузии и Молдове (хотя и они сыграли свою роль). Важнее то, что в самой России сложилось общественное мнение, допускавшее и даже поощрявшее региональный сепаратизм.

Нельзя сказать, что эти широко распространившиеся настроения не встречали никакого сопротивления. Достаточно вспомнить попытку путча в Москве в августе 1991 года. Но как раз неудача этого последнего отчаянного усилия спасти империю имела колоссальные последствия. Москва немедленно и безо всяких условий позволила прибалтийским государствам обрести полный суверенитет и позже никогда не пыталась включать их в какие бы то ни было схемы интеграции. Россия согласилась с результатами референдума, участники которого высказались в пользу украинской независимости, и, что особенно важно, признала статус Крыма в составе теперь уже независимой Украины. Москва также хладнокровно наблюдала, как Белоруссия, никогда ранее не имевшая независимого статуса, всеми силами старалась предстать перед миром в роли преемницы средневекового Великого княжества Литовского. Наконец, Россия фактически оставила на произвол судьбы весь южный пояс империи от Кавказа до Средней Азии. Другими словами, российское руководство продемонстрировало изобретательность и правовую смекалку в поисках подходящей

формулы легитимного роспуска Советского Союза.

СНГ, к которому в итоге присоединились все бывшие советские республики (за исключением трех прибалтийских), оказался удобным в психологическом отношении переходным механизмом от империи к отдельным суверенным государствам. В 1990-х Москва ни разу всерьез не попыталась использовать СНГ в качестве инструмента реинтеграции. Постепенно пришлось отказаться от идеи объединенных вооруженных сил СНГ, от рублевой зоны и общего экономического пространства, от общих внешних границ и общей пограничной службы, от двойного гражданства. России фактически удалось сохранить лишь то, что касалось ее собственного статуса: советское стратегическое ядерное оружие, унаследованное от СССР постоянное место в Совете Безопасности ООН и советскую собственность за границей, включая посольства. Вместе с тем Россия взяла на себя все обязательства по внешнему долгу Советского Союза.

Конечно, российское руководство делало все это не в приступе саморазрушения или бездумного альтруизма, как в то время заявляли его противники внутри страны. «Отряхивая прах старого мира», оно надеялось, что наступает «конец истории» в отношениях между Россией и Западом¹, что на смену противостоянию и соперничеству придут принятие и интеграция России в западный мир. Вместо того чтобы препираться по поводу сфер влияния, руководители новой России взяли курс на глобальное лидерство *совместно* с Европой и Соединенными Штатами. Они ожидали от новых западных партнеров надлежащего признания своих заслуг, таких как уникальный переход к демократии в России, окончание холодной войны и признание независимости прежних сателлитов СССР в Восточной Европе. Нужно иметь в виду, что в глазах российского

руководства коммунизм не был побежден Соединенными Штатами и их союзниками в холодной войне. Именно россияне во главе со своими элитами свергли *ancien régime* и отказались от конфронтации, которая в новых условиях утратила смысл.

Очевидно, что от своих противников, которые теперь превратились в партнеров, Москва ожидала чего-то значительно большего, чем просто «почетный мир». Но получила она, к сожалению, намного меньше, чем рассчитывала. То, что Россия рассматривала как собственные уступки, хотя и сделанные под давлением обстоятельств, Запад расценивал просто как частичную компенсацию ущерба, причиненного ему самому советским режимом, а значит, уступки России не предполагали никакой особой благодарности. Неофициальная просьба Москвы о принятии ее в НАТО и более формальное предложение стать союзником Соединенных Штатов были отклонены как — в лучшем случае — несвоевременные. Дезорганизованная, погруженная в хаос, бедная, наивно честолюбивая и непонятная Россия должна была, в глазах западного сообщества, не интегрироваться с ключевыми странами Запада, но находиться под их управлением: никакого НАТО, только Совет североатлантического сотрудничества (НАСС); никакого плана Маршалла, только транши Международного валютного фонда; никаких открытых границ, напротив, усиление пограничного контроля, чтобы сдерживать поток отчаявшихся экономических мигрантов с Востока.

Поскольку в глазах Запада Москва была партнером, который вызывал скорее насмешку, нежели уважение, российские власти сделали вывод, что с «концом истории» они несколько поторопились. В 1992–1993 годах внутри страны постоянно шли горячие споры о том, в чем состоят национальные интересы России в посткоммунистическую эпоху, после окончания холодной войны.

По-прежнему присутствовало стремление наладить близкие отношения с Западом, хотя кое-кто, напротив, призывал руководствоваться российским вариантом доктрины Монро. Большинство полагало, что центральным объектом внешней политики России должны быть новые независимые государства — ближнее зарубежье. Весной 1993-го тогдашний президент Борис Ельцин и тогдашний министр иностранных дел России Андрей Козырев официально попросили, чтобы ООН признала особую ответ-

ственной, пропитанной веймарским духом. Россияне, имевшие доступ к материалам последних советских переговоров, обвиняли Запад в вероломстве. Разве американские и европейские лидеры, от Джорджа Буша-старшего и Джеймса Бейкера до Гельмута Коля и Маргарет Тэтчер, спрашивали они, не уверяли Михаила Горбачёва, что НАТО не продвинется на Восток «ни на дюйм»? То обстоятельство, что эти заверения давались в то время, когда Советский Союз и Варшавский договор еще существовали,

“От своих противников, которые теперь превратились в партнеров, Москва ожидала значительно большего, чем «почетный мир». Но получила намного меньше”.

ственность России за поддержание мира в многочисленных зонах этнических конфликтов на территории бывшего Советского Союза, потому что именно Россия остановила, а затем «заморозила» эти конфликты, используя свои вооруженные силы.

В целом благожелательное отношение Москвы к Западу и к добровольно отпущенным на волю странам-сателлитам Восточной (ныне — Центральной) Европы резко изменилось в 1993 году. Первоначальная готовность Ельцина согласиться со вступлением Польши в НАТО встретила непреодолимое сопротивление практически всего военного истеблишмента и большей части политического класса. В самом деле, мало того, что НАТО отклонила просьбу России о вступлении и не стала самораспускаться, — теперь она еще начала собирать воедино элементы бывшего советского стратегического плацдарма, превращая их в передовые позиции, направленные против посткоммунистической России. Слишком многие в Москве осознали, что Соединенные Штаты и их союзники предпочли не безопасность *вместе* с Россией, а безопасность *против* нее — неста-

казалось, не имело для таких обвинителей никакого значения². Понятие сфер влияния, утверждали они, сохраняется и действует в международной политике. Просто сменились хозяева и гегемоны.

Расширение НАТО, которое окончательно похоронило надежды россиян на создание нейтральной буферной зоны между Россией и ключевыми странами Запада, многими было истолковано как поражение России в холодной войне, по меньшей мере, геополитическое. Отношение к России обрисовалось со всей ясностью, когда президент США Билл Клинтон отказался от своего первоначального курса, в котором Россия занимала центральное место, и принял доктрину геополитического плюрализма на пространстве бывшего СССР. Экспансия западных нефтяных компаний в Каспийском регионе и официальная американская поддержка строительства нескольких трубопроводов для перекачки оттуда нефти были направлены на то, чтобы покончить с монополией России на нефтяной транзит с прикаспийских месторождений. Это, в свою очередь, заставило перенести акценты в военной политике с

чистой геополитики на геоэкономику. Теперь всепроникающее влияние Запада вплотную придвинулось к новым границам России.

Другим серьезным раздражителем были действия американцев на Балканах, кульминацией которых стала 72-дневная воздушная бомбардировка Югославии странами НАТО из-за Косово в 1999-м. Эти действия продемонстрировали российскому руководству, что демократические государства могут использовать войну как средство политики, исходя из соображений политической целесообразности и маскируя их риторикой прав человека. Вопреки распространенному мнению, во время конфликтов в Боснии и Косово Россия энергично выражала свое недовольство не потому, что ощущала некое особое родство с Сербией, а потому, что осознала: Запад перестал считаться с ней как с фактором расклада сил в Европе. К 1999 году, когда НАТО вырвала Косово из-под контроля Белграда, в альянс уже вошли Чешская Республика, Венгрия и Польша. Россия же, впервые за 250 лет, перестала быть европейской державой. Теперь она стала просто бывшим Советским Союзом — ни больше ни меньше.

Больше не возмутитель спокойствия в ближнем зарубежье

Отягощенная бесчисленными внутренними проблемами, включая дефолт 1998-го и десятилетнюю войну в Чечне, Москва обнаружила, что ей трудно конкурировать даже с ближайшими соседями. У нее не было ресурсов, которыми она могла бы подкрепить свои ритуальные заявления о том, что СНГ — это главная зона ее внешнеполитических интересов. Тем временем новые государства сумели стать на ноги и вступить в разного рода отношения как со своими соседями, так и с мировыми державами. Смена руководства в Кремле в 2000 году ознаменовала конец СНГ как посмертной версии Советского Союза —

«равноправного членства в политбюро», когда лидеры теперь уже независимых республик, казалось, наслаждались своим равенством с московским боссом. Став президентом, Путин использовал намного более прагматичный подход в отношениях с бывшими советскими республиками, нежели Ельцин, который до самых последних дней жил с чувством вины за развал Советского Союза. Путин не пытался воссоздать советскую империю. Например, процитировав одного украинского политика, который язвительно заметил, что у тех, кто не сожалеет о распаде Советского Союза, нет сердца, он добавил: но у тех, кто хочет его вернуть, нет мозгов. СНГ, повторил Путин слова еще одного видного украинца, стал не повторным браком, а скорее цивилизованной формой развода³.

В начале 2000-х в результате стечения нескольких обстоятельств позиции России по отношению к ее ближайшим соседям усилились. Страна оправилась от экономического кризиса, обрела нового лидера, который подавил сопротивление в Чечне, поставил под контроль региональный сепаратизм и московскую олигархию; к тому же благодаря постоянному росту мировых цен на углеводороды значительно расширились финансовые возможности России. Сразу же после 11 сентября 2001 года Путин использовал свое сближение с тогдашним американским президентом Джорджем Бушем-младшим для продвижения идеи стратегического партнерства между Россией и США. И если Ельцин стремился интегрировать Россию в Запад, Путин взял курс на ее интеграцию с Западом.

В отличие от своего предшественника, Путин назначил цену сотрудничества России с Соединенными Штатами. Вашингтон должен был признать верховенство Москвы на пространстве СНГ. России же — в качестве вклада в «обеспечение порядка» в Европе — предстояло признать новую, прозападную ориентацию Центральной Европы, принять

во внимание аналогичные настроения в юго-восточной части Европы, согласиться с предстоящим вступлением балтийских государств в НАТО и ЕС, уйти с Балкан (то есть признать этот регион сферой влияния Запада) и даже согласиться, хотя и на временной основе, на размещение американских войск на базах в Средней Азии, а также на предоставление американской военной помощи Грузии, которая предусматривала обучение и оснащение грузинских вооруженных сил.

“Россия, впервые за 250 лет, перестала быть европейской державой. Теперь она стала просто бывшим Советским Союзом — ни больше ни меньше”.

Со своей стороны Соединенные Штаты дали бы обязательство не действовать во вред интересам России и не противостоять ее политике в Белоруссии, Молдове, Украине и остальной части СНГ.

Эта сделка, однако, не состоялась, поскольку Соединенные Штаты были готовы говорить лишь о «правилах дорожного движения», а не о каких бы то ни было «сферах влияния». Администрация Буша ощущала свою безраздельную власть над миром и не видела особой нужды в каких-либо обязывающих соглашениях со слабыми партнерами, такими как Москва. Американцы вскоре сосредоточили основное внимание на Ближнем Востоке. Российской реакцией на это стала политика, в центре которой стоял уже не Запад. К началу 2000-х слова тогдашнего российского министра иностранных дел Евгения Примакова «Россия всегда была, есть и будет великой державой»⁴, сказанные им еще в 1996 году, неожиданно стали руководящей идеей.

В 2003-м Анатолий Чубайс, в прошлом высокопоставленный сотрудник администрации Ельцина, позже возглавивший РАО «ЕЭС России», повторил эти слова Примакова и

назвал Россию «либеральной империей», что свидетельствовало о новом стиле мышления⁵. В соответствии с этой концепцией, России надлежало отказаться от вялых и неэффективных попыток экономической интеграции с соседями и вместо этого осуществлять здоровый экономический экспансионизм. При этом следовало обеспечить на пространстве СНГ благоприятные условия для российской торгово-экономической деятельности. Однако дело было не в одной толь-

ко экономике. Москва обязана была также не допустить, чтобы военно-политические союзы вроде НАТО распространили свою деятельность на страны СНГ. Она добивалась права посредничать в конфликтах между своими ближайшими соседями и улаживать их. Москва также желала осуществлять политическое руководство в рамках содружества и, что не менее важно, удерживать его в пространстве русской культуры. Идея состояла в том, чтобы Москва стала «Меккой» для элит бывших советских республик, подобно Лондону для бывшей Британской империи и Парижу для франкофонов.

В 2003-м Соединенные Штаты вторглись в Ирак, в то время как Россия вывела свои контингенты из Боснии и Косово. Россияне также потерпели неудачу в Молдове. В ноябре 2003 года согласованный проект мирного соглашения был в последнюю минуту отвергнут молдавским президентом по рекомендации Запада, поскольку документ предусматривал продолжение российского военного присутствия в этой стране. В это же время Москва выдвинула идею единого экономического пространства, которое связало бы экономическими узами с Россией

три самые большие постсоветские республики — Белоруссию, Казахстан и Украину. В военно-политической области России удалось трансформировать беспомощную Организацию Договора коллективной безопасности СНГ (ОДКБ) в меньшую по охвату, но более эффективную организацию. Москва выступила в качестве активного посредника между Кишинёвом и Тирасполем в их попытках создать в Молдове единое государство. Она участвовала в разрешении кризисной ситуации в Грузии во время «революции роз»

рого тот выбрал себе в преемники, против бывшего премьер-министра Виктора Ющенко, считавшегося проамериканским и пронатовским кандидатом. Однако усилия российского президента оказались тщетными: восставший народ отверг официальные итоги голосования, а во время повторных выборов победу одержала прозападная коалиция. Через несколько месяцев после «оранжевой революции» в результате подобных же народных волнений в Кыргызстане был свергнут промосковский президент Аскар Акаев.

“По сравнению с советскими временами не только сфера интересов России стала намного меньше, но и интересы сделались более легковесными”.

в 2003-м и помогла Саакашвили восстановить власть над фактически отделившейся Аджарией. В качестве скорее символического шага Россия создала свою авиабазу в Канте в Кыргызстане, недалеко от базы США в Манасе.

Сокрушительный удар по этим планам интеграции, создания альянсов и расширения российского присутствия нанесли «цветные революции» 2003–2005 годов. Грузинская революция, первоначально вполне приемлемая для России (в частности, Саакашвили на личном уровне был почтителен к Путину и, вероятно, в то время видел в нем образец для подражания), пошла вразнос в 2004-м, когда Тбилиси осуществил операцию против осетинских контрабандистов, которая вновь разожгла грузино-осетинский конфликт. Москва была разъярена тем, что Саакашвили применил оружие без ее разрешения и против интересов ее осетинских протеже.

«Оранжевая революция» 2004–2005 годов в Украине оказалась в этом смысле намного хуже. Путин лично поддержал президента Леонида Кучму и Виктора Януковича, кото-

События 2005-го в Кыргызстане были с гордостью провозглашены «революцией тюльпанов», но нельзя не отметить, что при Акаеве в стране существовал наименее авторитарный из всех среднеазиатских режимов. Как бы то ни было, в результате другие автократы, от Казахстана на севере до Азербайджана на юго-западе, получили серьезное предупреждение. Москва, привыкшая полагаться на существующие режимы и опасаясь, что их насильственная смена может открыть дорогу исламским повстанцам и боевикам, внезапно почувствовала, что действия США могут угрожать безопасности России. Мало того, что Соединенные Штаты стремятся ослабить позиции России в этом регионе — дополнительным источником беспокойства для Москвы стало то, что неудачные действия американцев могут повлечь за собой хаос и безвластие. Если же вернуться к «оранжевой революции» в Украине, то Кремль был встревожен тем, что США собираются не только расширить сферу своего влияния вплоть до западных границ России, но и, оказав помощь в становлении местной демократии, подорвать российскую политическую систему.

Трактовка «цветных революций» Москвой была сугубо конспирологической. Они рассматривались не как всплески народного гнева против коррумпированной и нерадивой власти, которые достигли успеха благодаря расколу правящих элит, в том числе и в рядах спецслужб, а как часть заговора, задуманного и направляемого из США. По мнению российской стороны, эти действия в лучшем случае имели целью резко сократить влияние России на ее соседей и, наоборот, усилить влияние на них Соединенных Штатов. В худшем случае это была генеральная репетиция экспорта революции непосредственно в Россию, в результате чего в Кремле был бы посажен либеральный проамериканский марионеточный режим.

После массовой гибели школьников при нападении террористов на Беслан в Северной Осетии в сентябре 2004 года Путин обвинил Запад в том, что он поддерживает террористов и использует их для того, чтобы ослабить и расчленить Россию⁶. В это же время нескольким лидерам чеченских сепаратистов, которых Москва обвиняла в терроризме, было предоставлено политическое убежище в Великобритании и Соединенных Штатах, а общественность в некоторых странах НАТО, от прибалтийских государств до Польши и Дании, выражала сочувствие чеченским повстанцам. Москва увидела в этом поддержку Западом чеченского сепаратизма, который угрожал целостности России, и возвращение во времена «большой игры», когда Россия и Великобритания боролись за зоны влияния на Кавказе, в Средней Азии и Персии.

Сферы привилегированных интересов

Нынешняя политика России, в основе которой — представление о сфере ее *интересов*, определяется категориями мышления середины 2000-х годов. По сравнению с советскими временами не только сама эта сфера стала

намного меньше, но и интересы сделались более легковесными — не дотягивающие до «влияния». В России, да и на всей территории бывшего Советского Союза, идеология сменилась всепроникающим прагматизмом. Нет никакого намека и на политический контроль со стороны Москвы. Показателен пример Минска, самого близкого политического союзника России: мало того, что Москва не имеет рычагов, позволяющих приводить к власти или смещать лидеров в Белоруссии, она еще до всяких «цветных революций» зареклась вредить действующему руководству посредством налаживания контактов с внутренней оппозицией. В настоящее время Москва бойкотирует только одного лидера — Саакашвили. Попытки Москвы мобилизовать этнических русских на поддержку своей политики редки и недостаточно решительны. Большинство акций протеста в 2007-м против решения правительства Эстонии перенести советский военный мемориал и советские воинские захоронения в Таллине было организовано местными этническими русскими, а Кремль лишь имитировал участие. В Крыму именно сопротивление местных русских культурной «украинизации» и неприятие ими политики Киева вылились в протесты против захода американских военных кораблей в крымские порты и против военных маневров НАТО. Кремль может пользоваться этой ситуацией, но не он ее просчитал и инициировал.

Военное присутствие России в СНГ резко сократилось и теперь ограничивается главной базой Черноморского флота в Севастополе, двумя военными базами в Армении и Таджикистане, миротворческим контингентом в Приднестровье, который одновременно охраняет склады военного снаряжения, небольшой авиабазой в Кыргызстане и рядом военных объектов в Белоруссии и Казахстане. Ни одна из стран не оккупирована вооруженными силами

России и не считает себя оккупированной. Ближе всего к советской модели массированного военного присутствия Москва подошла в Абхазии и Южной Осетии, де-факто отделившихся от Грузии в начале 1990-х и признанных Москвой в качестве суверенных государств после войны с Грузией в августе 2008 года.

В отличие от *влиятельности*, которое стремится быть всеобъемлющим и монопольным, *интересы* — понятие более определенное и конкретное, имеющее отношение не к стране в целом, а к отдельным сферам ее жизни — военно-политической, экономической, финансовой, культурной.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В военном отношении Россия по-прежнему полностью затмевает своих ближайших соседей. Хотя по части обычных вооружений она куда слабее, чем на протяжении предшествующих десятилетий и обладает весьма небольшим количеством боеспособных частей (Путин еще в 1999-м сетовал, что из миллионной армии для военной операции в Чечне удалось набрать всего 55 тыс. человек), вооруженные силы соседних стран во много раз меньше и еще менее боеспособны. Если бы в 2008 году в Грузии россияне столкнулись с другим противником, результат войны, возможно, был бы иным, но грузинская армия, несмотря на все усилия американцев обучить и оснастить ее, попросту обратилась в бегство.

Москва прилагает усилия, чтобы создать на территории непосредственных соседей системы безопасности, предназначенные оградить Россию от разного рода угроз с запада, юга и юго-востока. ОДКБ включает в себя Армению, Белоруссию и страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и в отдельные периоды также Узбекистан). Это очень рыхлый союз, обеспечивающий политические консультации, определенную степень координации и

весьма ограниченные возможности взаимодействия между вооруженными силами и спецслужбами стран-участниц. Вместе с тем двустороннее военное сотрудничество с Минском обеспечивает Москве передовые позиции в Белоруссии, находящейся на главной стратегической оси Восток—Запад в Европе. Благодаря Белоруссии Россия также поддерживает наземное, хотя и не вполне надежное, сообщение с Калининградским анклавом. В отсутствие каких-либо реальных проблем с Турцией присутствие России в Армении является скорее символическим, своего рода предупреждением для Азербайджана и Грузии. Более всего похоже на союзнические отношения сотрудничество в сфере безопасности со странами Центральной Азии. Здесь преследуется двойная задача: сохранить стратегические позиции России в этом регионе и сдерживать исламских боевиков или отражать их атаки в случае нападения.

Сейчас Россия все активнее использует ОДКБ как инструмент для обеспечения дипломатической солидарности своих номинальных союзников. Одним из форумов для совместных дипломатических заявлений государств — членов ОДКБ (например, по проблемам европейской безопасности) является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Другой — Генеральная Ассамблея ООН. С точки зрения Москвы, идеальная архитектура европейской безопасности должна представлять собой что-то вроде комиссии НАТО — ОДКБ с бессрочно нейтральными буферными государствами, такими как Украина. Эта концепция, однако, не всегда срабатывает. Россия предпринимала серьезные, хотя и безуспешные, усилия, имевшие целью побудить НАТО установить формальные контакты с ОДКБ и таким образом признать российское военно-политическое господство в этом регионе. Очень характерный случай — признание

Абхазии и Южной Осетии. Здесь Москва осталась в одиночестве: ни один из союзников не присоединился к ней. Причем дело не в том, что они не одобрили действия России, и не в том, что они испытывали симпатию к Грузии и ее руководству. Скорее это был сигнал, который государства — члены ОДКБ посылали Москве, да и всему остальному миру: мы не российские клиенты, а суверенные государства.

Главный военный интерес России в ее отношениях с соседями, по существу, носит негативный характер: Москва не должна допустить, чтобы какое-либо из государств СНГ присоединилось к НАТО или разместило у себя новые американские военные базы. Глубинная причина войны с Грузией состояла в том, что Тбилиси пожелал вступить в НАТО. Попытка Грузии решить хотя бы один из конфликтов силой и интернационализировать другой была связана с ее желанием получить «План действий по членству в НАТО». Что касается России, то ее массивный ответ на действия Грузии в огромной степени определялся стремлением сокрушить союзника США на Кавказе. В конфликтах, в которые Россия оказывается вовлеченной непосредственно, например, на Кавказе и в Молдове, она де-факто запрещает «несанкционированное» использование силы, какое имело место в Грузии в 2008-м. Когда Тбилиси решил восстановить территориальную целостность страны силой, это вызвало вооруженный ответ Москвы.

Россию часто обвиняют, что она стремится остановить процесс демократизации в СНГ. Москву называют центром «авторитарного интернационала» — своего рода гибрида Коминтерна и Священного Союза, который поддерживает местных диктаторов и борется с революционерами-демократами у своих соседей, противодействуя западным демократиям во всемирном масштабе. Однако в реальности все сложнее. В отличие от своих

советских предшественников, нынешнее российское руководство опасается не столько собственно демократии (к которой оно не испытывает ни малейшего уважения), сколько американской политики *продвижения* демократии. Более того, в Москве подозревают, что истинной целью «продвижения демократии» является распространение сферы влияния Запада на СНГ и оказание прямого давления на российское руководство. Кремль никогда не выказывал почтения ни к грузинским, ни к украинским демократическим экспериментам, но всегда почтительно относился к американской мощи и возможностям Вашингтона использовать ее против России и ее руководителей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ФИНАНСОВЫЕ ВОПРОСЫ Как бы ни были тяжелы российские экономические проблемы, по сравнению со всеми другими государствами СНГ Россия — настоящий экономический гигант. Ее экономика в несколько раз больше экономики Казахстана и Украины. Переживая серьезный демографический спад, Россия использует труд миллионов мигрантов из соседних стран. До финансового кризиса 2008 года российская экономика предоставляла рабочие места примерно 12 млн человек из стран СНГ. В абсолютных цифрах больше всего мигрантов, вероятно, прибыло из Азербайджана, а в относительных — из Таджикистана и Молдовы. Теоретически Россия обладает эффективными рычагами «мягкой» власти в отношениях со своими соседями, но когда Москва попыталась трансформировать эту «мягкую» власть в «жесткую» против Грузии во время кризиса 2006-го, запретив прямые денежные переводы, эффект оказался минимальным. Экономические санкции России против соседей (например, приостановка импорта вин из Грузии и Молдовы, молока из Белоруссии, бойкот молочных продуктов и шпрот из прибалтийских государств и т. п.) имели лишь

частичный успех. Соседи пострадали, но и Россия не извлекла большой пользы из их страданий. Несмотря на широкое использование санкций, они не помогли выстроить никакой «сферы» вокруг России, но при этом оказались скомпрометированы российские органы санитарного надзора, которые были использованы как инструменты силовой политики. Для обретения рычагов влияния России нужны не барьеры, а мосты.

В качестве ведущего экспортера энергоносителей Россия видит свой главный

Центральную Европу, по маршруту, опять же берущему начало на балтийском побережье России. Для этой цели в 2005 году Россия начала разработку проекта «Северный поток», предусматривающего поставку газа непосредственно в Германию по дну Балтийского моря. Аналогичный проект под названием «Южный поток» обсуждается с 2007-го. В случае его реализации газ будет транспортироваться через Черное море в Юго-Восточную Европу и Италию. Однако серьезным конкурентом «Южного пото-

“Создание единой экономической структуры в бывшем советском пространстве для России важнее дальнейшей интеграции в мировую экономику”.

экономический интерес на пространстве СНГ в том, чтобы обеспечить беспрепятственный транзит российских газа и нефти через территории новых государств и получить доступ к их энергетическим и другим важным ресурсам. С большим трудом «Газпрому» удалось купить белорусскую газотранспортную систему «Белтрансгаз». Он пытался также приобрести аналогичную украинскую систему, но потерпел неудачу. Киев остался глух даже к идее создания трехстороннего газового консорциума с участием западного партнера — Германии или ЕС.

Москва полагает, что в финансовом и политическом плане страны-транзитеры крайне ненадежны, и пытается найти обходные пути. Еще в конце 1990-х российскую нефть перестали вывозить через терминалы государств Балтии и перенаправили в недавно построенный морской порт вблизи Санкт-Петербурга. Спустя десять лет появился проект, осуществление которого позволило бы перенаправить большую часть нефти, перекачиваемой по трубопроводу «Дружба», ведущему через Белоруссию и Украину в

ка» является поддерживаемый ЕС проект «Набукко», предусматривающий транспортировку каспийского и иракского газа в Европу через Турцию. Ставкой для «Газпрома» в этом остром противостоянии конкурентов является его доля на прибыльном рынке ЕС, а для ЕС (и Соединенных Штатов, которые поддерживают проект «Набукко») — степень зависимости от поставок российского газа.

Пока упомянутые газопроводы не построены и центральноазиатский газ можно транспортировать на мировые рынки только через российскую территорию, «Газпром» остается монополистом — единственным покупателем этого газа. Некоторые лица в Украине, привыкшие получать туркменский газ из России, называют этот регион Московским газовым халифатом. И вполне естественно, что прикаспийские производители углеводородов — Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Узбекистан — стремятся уменьшить свою зависимость от России и ищут другие выходы на мировые рынки. С 2006 года каспийская нефть направляется на запад по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан, а также на восток — в Китай. В 2009-м началась подача

газа по газопроводу из Туркмении в Китай. Обсуждается проект транскаспийского трубопровода, который мог бы стать частью «Набукко». Со своей стороны Россия укрепляет контроль над трубопроводами, идущими на север.

Сфера российских экономических интересов в соседних странах, конечно, не ограничивается энергетикой. Вынужденный отказ от единого экономического пространства после «оранжевой революции» не остановил Россию в ее стремлении к региональной экономической интеграции. Теперь она сосредоточила усилия на Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), которое включает в себя также Армению, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан (Узбекистан то участвует, то не участвует в его работе). Ближайшей целью Москвы является создание таможенного союза, первоначально совместно с Белоруссией и Казахстаном. В июне 2009 года Москва приостановила свои 16-летние попытки вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), сделав выбор в пользу таможенного союза с Минском и Астаной. Хотя хватает неясностей и с таможенным союзом, и с форматом дальнейших переговоров с ВТО, этот шаг ясно показал, что создание единой экономической структуры в бывшем советском пространстве для России важнее дальнейшей интеграции в мировую экономику. Подобно военно-политической группировке ОДКБ, ЕврАзЭС является для России главной платформой для построения собственной экономической зоны.

С 2007-го российское руководство начало продвигать идею рубля как региональной резервной валюты. На Мировом экономическом форуме в Санкт-Петербурге в 2008 году Медведев официально представил эту идею в качестве политической цели⁷. Россия не отказалась от этой цели даже после того, как ее поразил глобальный экономический кри-

зис⁸. По словам российских официальных лиц, рублевая зона должна была бы занять пространство между Еврозоной и Китаем. На практике это означало бы создание валютного союза, первоначально опять же с Белоруссией и Казахстаном.

Вряд ли подобный процесс может проходить гладко. Во время принятия этого важного решения Москва и Минск находились в самом разгаре «молочной войны» (потенциально речь шла примерно о 7 проц. внешнеторговых доходов Белоруссии) и препирались из-за условий предоставления Белоруссии российского кредита. Понятно, что Россия действовала жестко, чтобы заставить белорусского президента Александра Лукашенко открыть страну для российского участия в приватизации ее промышленности, принять условия финансовой помощи и действовать солидарно в области геополитики, включая отношения с Западом. Белоруссия, которая с середины 1990-х с большой выгодой для себя играла в интеграцию с Москвой, а на рубеже веков даже создала с ней некую фикцию под названием «союзное государство», подверглась беспрецедентному давлению. Тогдашний (и нынешний) российский министр финансов Алексей Кудрин утверждал, что Минск на грани дефолта, а Белоруссия сильно проигрывает в экономическом отношении в сравнении с прилегающими к ней российскими областями⁹, прозрачно намекая на то, что более тесное объединение двух государств позволило бы улучшить ситуацию.

Очевидно, Москва пришла к выводу, что разразившийся экономический кризис благоприятствует расширению ее влияния в постсоветских регионах. Вслед за Белоруссией, которая должна была получить 2 млрд дол., Россия предоставила 500 млн Армении, обещала 2 млрд Кыргызстану и 300 млн дол. Монголии. Самый большой кредит — 5 млрд дол. — был приготовлен для Украины, кото-

рая, однако, пока им не воспользовалась. В рамках ЕврАзЭС Россия создала специальный фонд помощи размером в 10 млрд дол., 75 проц. которых вносит Россия и еще 15 проц. — Казахстан.

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО Несмотря на повышение статуса национальных языков в недавно возникших независимых государствах и активное вторжение английского языка (и некоторых других, хотя и в значительно меньшей степени), русский все еще весьма заметен на всем пространстве бывшей империи. В Риге, столице Латвии, преобладает русский язык. Аналогично обстоит дело в украинских городах Киеве, Харькове и Одессе. Минск — практически полностью русскоязычный город. Среди элит Южного Кавказа и Средней Азии русский — второй язык. Русский заметно утратил свои позиции среди людей с низким уровнем образования во всех бывших советских республиках, где его изучение в начальных и средних школах было значительно сокращено, и среди местных балтийских элит, которые больше не обязаны пользоваться им в публичной жизни.

Несмотря на попытки со стороны властей практически всех новых государств сократить эфирное вещание на русском языке, российское телевидение легкодоступно через кабельные сети. Российские телепередачи пользуются большой популярностью благодаря высокой доле в них развлекательных программ и сравнительно высокому их качеству. Во многих бывших советских республиках в FM-радиопрограммах доминирует российская музыка, чрезвычайно популярны и российские фильмы на DVD. Российская продукция, в отличие от западных аналогов, ориентируется на культурные привычки населения, сложившиеся в советскую эпоху. Например, в Молдове российские версии американских блокбастеров пользуются

большим спросом, нежели румынские, по очень простой причине: российские версии либо дублированы, либо снабжены титрами.

Конечно, помогает и то, что русский язык и русская культура не только «импортированы», но и поддерживаются все еще значительным — хотя и сократившимся — русскоязычным меньшинством почти в каждой из стран СНГ. Однако попытки Москвы использовать русскоязычные диаспоры для достижения своих внешнеполитических целей по большей части не достигают успеха. В Латвии этнические русские больше озабочены интеграцией в местное общество, а после вступления Латвии в 2004 году в ЕС — и в Европу. Российская Федерация для них — страна прошлого, а не настоящего и будущего. Русские в Украине и Казахстане в культурном отношении могут ощущать себя россиянами, но при этом они смирились с проживанием в странах, где они составляют меньшинство. Иными словами, нигде не наблюдается особой тоски по «воссоединению» с Россией.

Что ждет Россию в будущем?

То, что многим на Западе представляется как российская сфера влияния, россияне, по всей вероятности, хотели бы видеть как пояс дружественно настроенных, лояльных соседей. Однако за прошедшие два десятилетия на пространстве советских приграничных областей появилась зона, в которой каждое из недавно возникших здесь государств стремится обрести новую идентичность и по-новому выстроить свои отношения с другими. Российские интересы по-прежнему распространяются на все постсоветское пространство, но влияние Москвы, хотя и остается значительным, нигде не является господствующим. Таким образом, «российская зона» — для кого-то сладкая мечта, а для кого-то ночной кошмар — в реальности выглядит иначе.

Интеграционные усилия России, скорее всего, будут иметь довольно ограниченный эффект. Большой удачей можно было бы считать превращение ЕврАзЭС в некое подобие Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). О том же, чтобы эта организация стала восточным аналогом ЕС, пока не может быть и речи. Несмотря на стремление активизировать ОДКБ, она мало напоминает такие институты, как «Общая внешняя политика и политика безопасности Европы» (CFSP) и «Европейская политика по

Многие жители православной Восточной Украины, возможно, и питают неприязнь к «униатам» (то есть грекокатоликам), но и у них нет никакого желания возвращаться в лоно «братской православной» России. В Белоруссии президент Лукашенко, лидер диктаторского типа, неожиданно превратился в подлинного «отца национальной независимости». «Интеграционные» инициативы президента Казахстана Нурсултана Назарбаева всегда направлены на то, чтобы ограничить роль России в любом новом

“Попытки Москвы использовать русскоязычные диаспоры для достижения своих внешнеполитических целей по большей части не достигают успеха”.

обороне и безопасности» (ESDP). Внешняя политика и политика в сфере безопасности государств — участников ЕврАзЭС вряд ли станут общими, и вряд ли удастся изыскать необходимые для этого ресурсы. Преобладать по-прежнему будут национальные интересы, хотя иногда они могут потребовать тесного двустороннего сотрудничества между Россией и кем-то из ее союзников, таких как Армения или Казахстан. В то время как Россия занимается поиском своей постимперской идентичности в качестве великой державы, сами новые государства строят свою государственность в противовес России. И в этом нет ничего странного, так как для них независимость означает прежде всего независимость от России. В отличие от ситуации в Европейском союзе, Россия настолько явно доминирует над своими «новыми» соседями, что слишком активное сближение с ней может привести для них к потере значительной доли суверенитета, причем не в пользу институтов, как в ЕС, а в пользу государства-гегемона.

Конечно, ни одно из постсоветских государств не желает присоединиться к России.

евразийском договоре. Даже крошечная Абхазия, отколовшись от Грузии, клянется теперь сохранить независимость от России, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Еще в 2004 году кандидат в президенты Абхазии, открыто поддержанный Москвой, потерпел поражение на выборах. Только Южная Осетия, в которой всего 50 тыс. постоянных жителей, не жизнеспособна в качестве суверенного государства: ее малые размеры сами по себе составляют проблему. Россия, признающая независимость отделившихся частей соседних государств, внушает страх; Россия же, раздвигающая собственные государственные границы, вызывает самые ужасные воспоминания.

Расставшись с Россией, новые государства озабочены проблемой геополитической ориентации. Элиты Грузии, возможно, четче других определились в своей преданности Западу, но стране в целом предстоит проделать очень долгий путь, прежде чем ее можно будет считать «западной». В Украине преимущественно прозападные элиты управляют фактически расколотым обществом, которое поддерживает идею присоединения

к Европе, но боится присоединения к НАТО. В Белоруссии и Узбекистане авторитарные правители балансируют между Россией и Западом, в то время как общества этих стран постепенно вписываются в более широкий, соответственно, восточноевропейский и исламский контекст.

Взаимодействие между новыми государствами, с одной стороны, и противостоящими России полюсами силы — с другой, будет играть исключительно важную роль. После падения Берлинской стены все прежние советские сателлиты в Центральной и Восточной Европе, три прибалтийских государства и несколько стран на Балканах вступили в НАТО, в ЕС, или в обе эти организации. Постсоветские страны, от Белоруссии до Молдовы и Грузии, теперь фактически живут рядом с Западом. Однако, как показала война в Грузии, расширение НАТО уже достигло пределов, за которыми возникают угрозы для безопасности. Пока не прояснится положение с границами Грузии, ее гипотетическое вступление в НАТО означало бы для Запада непосредственное втягивание в два неулаженных конфликта с Россией. И до тех пор, пока (и если) граждане Украины, включая и Крым, не будут в подавляющем большинстве поддерживать идею вступления в НАТО, попытки форсировать этот процесс могут вызвать серьезный кризис общеевропейского масштаба.

Однако при наличии реального стремления к реформам в Киеве и хотя бы толики стратегического видения в Брюсселе нет никаких препятствий для постепенной интеграции Украины в ЕС. Российские руководители официально заявляли, что они не будут препятствовать вступлению Украины в ЕС при условии, что страна останется нейтральной¹⁰. Но даже если бы Москва изменила свое мнение, вряд ли она смогла бы заблокировать вхождение Украины в ЕС. Многие будут зависеть от того, как ЕС оценит соотно-

шение рисков и возможностей. Программа «Восточное партнерство», запущенная ЕС в мае 2009-го, — полезный шаг в правильном направлении, хотя и очень маленький. Чтобы консолидировать европейскую зону притяжения, необходимо будет сделать намного больше.

В первой трети XXI столетия границы Европы на востоке, вероятно, совпадут с западной границей России. Неясной остается только судьба Белоруссии. Однако можно предположить, что в конце концов ее элиты и население склонятся в сторону ЕС. Казахстан, скорее всего, будет экономически интегрироваться с Россией, хотя и постарается сохранить стратегическую свободу, маневрируя между Китаем, Европой, Соединенными Штатами и иными центрами силы. Другие страны Центральной Азии, вероятно, найдут собственные пути достижения баланса с соседями и мировыми державами.

Южный Кавказ представляет собой более серьезную проблему по многим причинам, в частности, вследствие разногласий относительно членства Турции в ЕС. Тем не менее присутствие ЕС в этом регионе, вероятно, будет нарастать. Как ни странно, России такое развитие событий в целом должно быть выгодно. Она могла бы таким образом избавиться от искушения двинуться на запад и вновь претендовать на роль великой *европейской* державы. В результате Россия сэкономила бы драгоценные ресурсы, которые в противном случае были бы растрачены на геополитические цели — на оказание помощи странам, которые в действительности вовсе не жаждут служить «пьедесталом» для России как регионального центра власти. В отсутствие «серых» зон между Россией и Европой у обеих сторон будет меньше поводов для вмешательства. И вопрос об общем экономическом пространстве России (или России вместе с Казахстаном) и Европы реально встанет на повестку дня.

Наконец, освободившись от постимперского бремени, Россия сможет сосредоточиться на себе, на своих нуждах и приоритетах. Она осознает свое положение и роль как евро-тихоокеанской державы глобального размаха, уделит больше внимания Сибири, благодаря которой Московия в XVII веке стала Россией и которая была настоящей жемчужиной в короне ее исторической империи. Изменение климата потребует от России большего внимания к Арктике и Крайнему Северу, которые уже становятся главной ресурсной базой энергетики страны. Подъем Китая на Востоке заставит Россию искать эффективные способы развития своих дальневосточных районов и интегрировать их как в российский рынок, так и в Тихоокеанский регион. Упор на Тихоокеанский регион (скорее, чем

на Азию) стал бы полезным дополнением к близкому соседству с Китаем. Россия могла бы укреплять связи с государствами Тихоокеанского бассейна (США – Япония – Австралия – Юго-Восточная Азия) и стремиться с их помощью обеспечить себе постоянное присутствие в этом регионе. Страна, которая привыкла считать себя европейской (но не западной), имеет в этом столетии шанс стать страной западной, хотя и не европейской. России предстоит осознать себя в качестве сравнительно не крупного, но стратегически независимого актора среди намного более крупных игроков в лице Китая, Европы, Соединенных Штатов. Если она справится с этой задачей, то одержит победу над собственной историей; если же потерпит неудачу, то может оказаться огромной зоной борьбы конкурирующих интересов. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Fukuyama Fr. The End of History and the Last Man. N. Y.: Harper Perennial, 1993.*

² Относительно исторического анализа этих обещаний НАТО Советскому Союзу см. *Kramer M. The Myth of the No-NATO-Enlargement Pledge to Russia // The Washington Quarterly. Vol. 32. No. 2 (Apr. 2009). P. 39–61; http://www.twq.com/09april/docs/09apr_Kramer.pdf (перевод этой статьи см.: *Pro et Contra. Vol. 13. 2009. № 2. С. 71–90*).*

³ Как не стало Советского Союза // *Коммерсантъ. 2001. 8 дек.*

⁴ *Примаков Е. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы // Международные отношения. 1996. № 10. С. 3–13.*

⁵ *Чубайс А. Либеральная империя: Лекция в Санкт-Петербургском университете. 25 сент. 2003.*

⁶ *Путин В. 4 сент. 2004. Москва, http://www.kremlin.ru/eng/text/speeches/2004/09/04/1958_type82912_76332.shtml; Путин В. Интервью для корреспондентов печатных изданий государств – чле-*

нов G8. 4 июня 2007, http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2007/06/04/2149_type82916_132716.shtml.

⁷ См. замечания Медведева на экономическом форуме в Санкт-Петербурге. СПб. 5 июня 2008; http://www.robertamsterdam.com/2008/06/video_medvedev_speech_at_world.htm.

⁸ Интервью Дмитрия Медведева см.: *Коммерсантъ. 2009. 5 июня. С. 1–2; Pronina L. Medvedev Questions Dollar as World Currency, Open to Yuan Swaps // Bloomberg.com. 2009. June 5, http://www.bloomberg.com/apps/news?pid_20601087&sid_anvHhN4CqQOE.*

⁹ См.: *Коммерсантъ. 2009. 8 июня, http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID_1184909.*

¹⁰ Материалы пресс-конференции по итогам четырехсторонней встречи России, Франции, Германии и Испании в Елисейском дворце в Париже 18 марта 2005 г. см.: http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2005/03/18/2334_type82914type82915_85457.shtml.